

Дело командарма 1 ранга И. П. Уборевича. Существовал ли план поражения Красной армии?

В. С. Мильбах

В представленной статье отражен современный взгляд на события, которые вошли в историю нашей страны как массовые политические репрессии. Автором представлен краткий обзор историографии репрессий в Красной армии во второй половине 1930-х годов. На конкретном историческом примере раскрываются противоречия между проводимой сталинским руководством внутренней политикой и проблемами состояния армии и их разрешение накануне Второй мировой войны. Особое внимание уделено созданию следователями Управления госбезопасности наркомата внутренних дел доказательной базы для выдвижения обвинений в контрреволюционных преступлениях одному из выдающихся военачальников, герою Гражданской войны И. П. Уборевичу. Показана деятельность репрессивного механизма, способного добиться любого необходимого сталинскому режиму результата. Основанный на документах архивно-следственного дела, материал статьи позволяет более рельефно представить происходящее в 1937–1938 гг., оценить действия следственных органов, убедиться в том, что выдвинутые против И. П. Уборевича обвинения основаны на фальсификации.

Ключевые слова: политические репрессии, арест, архивно-следственное дело, допрос, обвинительное заключение, шпионаж, расстрел.

Для цитирования: Мильбах В. С. Дело командарма 1 ранга И. П. Уборевича. Существовал ли план поражения Красной армии? // История повседневности. – 2024. – № 1. – С. 213–228. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_213. EDN: BFPDJK

Введение

Проблеме политических репрессий 1937–1938 гг. в Красной армии посвящены научные работы О. Ф. Сувенирова [1–3], Н. С. Черушева [4], А. А. Печенкина [5], С. Е. Лазарева [6; 7], С. С. Близначенко [8], П. Вечоркевича [9], Я. Войтковяка [10], М. Юнге и Р. Бинера [11] и других. В настоящее время исследовательские работы по данной проблематике проводятся учеными и преподавателями Михайловской военной артиллерийской академии [12–15]. Несмотря на однозначный вердикт большинства отечественных и зарубежных историков о несостоятельности утверждений о существовании военного заговора во главе с Маршалом Советского Союза М. Н. Тухачевским, существуют мнения о подрывной деятельности заговорщиков, в том числе и о шпионаже, а также о наличии разработанного ими пораженческого плана войны Советского Союза с Германией. Одним из разработчиков такого плана считается командующий войсками Белорусского военного округа командарм 1 ранга Иероним Петрович Уборевич.

Целью статьи является анализ следственного дела И. П. Уборевича и выявление на его основе, стандартных подходов, применявшихся в период массовых репрессий, для выдвижения обвинений в отношении высших руководителей Красной армии.

Аресты высокопоставленных военных в СССР развернулись в конце мая – в начале июня 1937 г. Во избежание противодействия органам наркомата внутренних дел (НКВД), они проводились скрытно, в глубокой тайне. При этом сотрудниками особых отделов практиковались такие методы, как ночной арест на квартире или арест при вызове в Москву под различными предложениями. Командующий войсками Белорусского военного округа И. П. Уборевич 20 мая 1937 г. был назначен командующим войсками Среднеазиатского военного округа. Прибыв поездом за назначением в столицу, он 29 мая 1937 г. при выходе из вагона был арестован по обвинению в участии в так называемом военно-фашистском заговоре в РККА [1, с. 133].

Далее он был помещен под стражу и началось следствие. Изучение содержания документов архивно-следственного дела УГБ № 11923 позволяет ознакомиться с процедурой следствия, уяснить как формировалась доказательная база обвинительного заключения, какие при этом применялись приемы допроса арестованных.

стованного. На примере дела И. П. Уборевича можно убедиться в его заказном характере, стандартных подходах к получению признательных показаний и выдвигении обвинений исключительно на этих, добытых незаконными методами, показаниях. Подобная система была применена к сотням командиров и начальников, арестованных в 1937–1938 гг. по обвинению в совершении контрреволюционных преступлений.

Результаты

Первым документом, подшитом в архивно-следственном деле, является ордер № 2041 на арест и обыск Уборевича И. П., подписанный заместителем наркома внутренних дел М. П. Фриновским. Дата на документе не проставлена. Приложенные далее протоколы обыска (все от 29 мая 1937 г.) свидетельствуют о том, что ордер должен быть также датирован тем же числом. Возможно, сотрудники НКВД торопились с арестом и допустили небрежность в оформлении документа.

Представляют интерес содержание протоколов обыска, которых в деле имеется пять. Все они отражают результаты обыска, а также изъятия вещей и документов по различным адресам. Обращает на себя внимание одна деталь, характерная для большинства протоколов обыска, проведенных сотрудниками департамента Ежова, – это наличие оружия по месту пребывания арестованного И. П. Уборевича. Например, в протоколе обыска в Москве «по ул. Бол. Ржевскому пер. д. 11, кв. 10» (это адрес известен как «дом военных», где И. П. Уборевич временно останавливался) было обнаружено среди прочего: «...пистолет немецкий калибра 7,65 № 248578, пистолет Коровина калибра 6,35 № 69168 без обоймы, пистолет Вальтер калибра 6,35 № 560087, патроны 6,35–15 шт., кинжал именной» [16, л. 2].

В день ареста командарма 1 ранга Уборевича обыски были проведены и в Белоруссии. На даче арестованного командующего войсками БВО в санатории «Гнездово» обыск проводили начальник 5-го отдела УГБ УНКВД по Западной области капитан ГБ Кривуша и его помощник капитан ГБ Ивановский, но отметили в протоколе, что «никаких материалов и предметов подлежащих изъятию обнаружено не было» [16, л. 5].

Обыск по основному месту жительства И. П. Уборевича (г. Смоленск ул. Карла Маркса, д. 22) проводили чекисты: на-

чальник 2 отдела ГУГБ НКВД СССР майор ГБ Евгеньев, начальник 6 отдела УГБ УНКВД Западной области капитан ГБ Абакин, сотрудник 2 отдела ГУГБ НКВД СССР лейтенант ГБ Гапонов. В протоколе обыска ими было отмечено, что «изъято: документы на имя Уборевича И. П. <...> Разных удостоверений, пропусков и билетов – 29 (двадцать девять штук).

Разная личная переписка и фотоснимки.

Разная секретная военная переписка.

Оружие: Наган № 23385

Кольт без н-ра

Маузер № 463150

Маузер № 462832

Маузер № 463434

Маузер № 463500

Браунинг бельгийский № 444480

два револьвера кавказского образца без номеров

Браунинг № 69534

Четыре охотничьих ружья

Одно охотничье ружье с Царским орлом

2 русских винтовки

два американских винчестера

четыре карабина

две мелкокалиберных винтовки

одна шашка с орденом Красного Знамени

две шашки казачьих

одна шашка китайская

один штык

один кинжал кавказск. серебра

патронов «маузер» – 70 обойм, парабеллум – 2 шт., мелкокалиберных – 500 штук, нагановских – 88 шт.

разных патронов для автоматического оружия 26 штук» [16, л. 6].

В протоколе обыска, проведенного в кабинете бывшего командующего войсками БВО было отмечено найденное и изъятое оружие: «...наганов четыре № 14447, 54325, 20759 и 27903; револьверов системы «Кольд» три № 16909, 239 и 6505; патронов нагановских 22» [16; л. 7–8].

Таким образом, в ходе обысков сотрудниками НКВД был обнаружено и изъято принадлежавшее И. П. Уборевичу оружие: винтовка (карабин, винчестер) – 10 шт.; ружье охотничье – 5 шт.;

пистолет (револьвер) – 20 шт.; шашка – 4 шт.; кинжал (штык) – 2 шт. Отметим, что при аресте он даже не пытался воспользоваться каким-либо оружием из этого арсенала для того, чтобы обороняться, бежать или покончить жизнь самоубийством.

Судя по имеющимся в деле документам, в первые два дня после ареста И. П. Уборевич категорически отрицал выдвинутые против него обвинения в совершении контрреволюционных преступлений.

Об этом свидетельствует содержание протокола очной ставки от 30 мая 1937 г. между арестованными Корком Августом Ивановичем и Уборевичем Иеронимом Петровичем. Необходимо отметить, что командарм 2 ранга А. И. Корк был арестован 12 мая 1937 г. и у следователей НКВД было достаточно времени для того, чтобы получить от него признательные показания в контрреволюционной деятельности.

На вопрос следователя бывшему начальнику и комиссару Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе А. И. Корку знает ли он присутствующего здесь Уборевича он ответил: «С Уборевичем <...> я знаком хорошо с декабря месяца 1923 года по совместной работе в Белорусском округе. Ещё ближе я познакомился с ним в 1928 году во время пребывания в Германии». На вопрос о контрреволюционной деятельности Уборевича последовал развернутый ответ Корка, зафиксированный на пяти страницах протокола. А. И. Корк показал: «Мне известно, что УБОРЕВИЧ входил в ту же военно-троцкистскую организацию, в которую входил и я. Эта организация имела целью осуществление заговора для свержения существующего режима сталинского правительства. Стало мне известно, что УБОРЕВИЧ тоже входит в нашу организацию – в период 1931 года» [16, л. 10].

А. И. Корк сообщил следствию, что сам он был завербован в военную организацию А. С. Енукидзе, секретарем Центрального исполнительного комитета СССР, членом ЦК ВКП(б), в июле 1931 г., «а затем ТУХАЧЕВСКИЙ мне, спустя несколько месяцев сказал, что в организацию входят также УБОРЕВИЧ, ЯКИР, ЭЙДЕМАН» [16, л. 11]. Далее, освещая совместную контрреволюционную деятельность с Уборевичем, Корк показал: «В дальнейшем в 1932–33 гг. я с УБОРЕВИЧЕМ многократно встречался у ТУХАЧЕВСКОГО, обсуждали задачи нашей военной организации» [16, л. 12]. В 1935–1936 гг. тематика обсуждаемых

вопросов изменилась: «Эти вопросы иного порядка сводились к вопросам пораженчества. К тому времени нам уже казалось, что вопрос осуществления переворота в Кремле принял затяжной характер. <...> Без УБОРЕВИЧА, без ЯКИРА, ТУХАЧЕВСКИЙ не проводил этих обсуждений. Так что УБОРЕВИЧ при всех этих обсуждениях являлся необходимым участником» [16, л. 13].

На вопрос следователя, подтверждает ли он показания Корка о том, что они вместе входили в контрреволюционную правотроцкистскую военную организацию, Уборевич ответил: «Никогда, никаких разговоров с КОРКОМ о контрреволюционных организациях не вел. Встречи, о которых он рассказывает частично были, но такого сорта: приходили вместе с женами» [16, л. 15]. Далее в своих ответах И. П. Уборевич подчеркивал лживость показаний А. И. Корка: «Что КОРК говорит совершенную неправду, я пока хочу заметить одну только фальшь» [16, л. 16]; «Это всё ложь от начала до конца» [16, л. 17].

На очной ставке с Уборевичем 30 мая 1937 г. Корк повторил это, на что Уборевич заявил: «Корк говорит совершенную неправду. Я пока хочу заметить одну только его фальшь. Он говорит, что я ему говорил, что он будет командовать армией на правом фланге, что эта армия пойдет на Ригу и будет разбита. Можно просмотреть оперативный план 1935 г. Белорусского округа, там вы не найдете положения, чтобы хотя одна армия правого фланга шла на Ригу».

Заметим, что в ходе очной ставки название самой крамольной организации, имевшей «целью осуществление заговора», звучало по-разному (военно-троцкистская организация, наша организация, военная организация и, наконец, правотроцкистская военная организация), но это следователей НКВД несколько не смутило.

В конце протокола указано, что очную ставку проводил начальник 6-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР капитан ГБ Глебов и присутствовали начальник 5-го отдела ГУГБ комиссар ГБ 2 ранга Леплевский, начальник 4-го отдела ГУГБ старший майор ГБ Литвин, помощник начальника 5-го отдела ГУГБ майор ГБ Карелин.

Из материалов дела известно, что через день после очной ставки с Корком, то есть 1 июня 1937 г. Уборевичем было написано заявление на имя Н. И. Ежова с признанием в контрреволюционной

деятельности, в т. ч. – об участии в антисоветском военном заговоре. Что же произошло в этот короткий промежуток времени?

Как значится в материалах дополнительной проверки архивно-следственного дела № 967581 по обвинению М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича и других, осужденных 11 июня 1937 г., бывший начальник отделения НКВД А. А. Авсевич в прокуратуре 5 июля 1956 г. показал: «Мне известно, что в мае месяце 1937 г. на одном из совещаний пом. начальника отдела УШАКОВ доложил ЛЕПЛЕВСКОМУ, что УБОРЕВИЧ не хочет давать показаний. ЛЕПЛЕВСКИЙ приказал на совещании УШАКОВУ применить к УБОРЕВИЧУ физические методы воздействия» [17, л. 232–233]. Поскольку Капитан ГБ З. М. Ушаков (Ушимирский) лично в расследовании дела И. П. Уборевича не принимал, то вероятно, что данный доклад Зиновия Марковича осуществлялся со слов кого-то из следователей (З. Н. Глебов, М. И. Литвин, В. П. Карелин) и прозвучал он утром 30 мая 1937 г. После чего главный особист Красной армии комиссар ГБ 2 ранга И. М. Леплевский решил лично поприсутствовать на очной ставке арестованных И. П. Уборевича и А. И. Корка. Поскольку признательные показания Уборевича были крайне необходимы для завершения следствия по так называемому антисоветскому военному заговору, Израиль Моисеевич посетил это следственное мероприятие не в одиночку, а в сопровождении группы подчиненных, способных воздействовать на арестованного не только своим авторитетом. После этого сотрудники НКВД добились необходимого результата: 1 июня 1937 г. И. П. Уборевич подписал заявление на имя наркома внутренних дел, но в архивно-следственном деле данный документ отсутствует.

Письмо И. П. Уборевича Н. И. Ежову более расширенного содержания, оно имеется в деле на 20 страницах машинописного текста, было датировано 4 июня 1937 г. Арестованный писал: «1-го июня 1937 года я подал на Ваше имя заявление о том, что являюсь участником антисоветского военного заговора, направленного к свержению существующего строя. Я являлся одним из руководителей военного заговора, членом его центра и намерен Вам сейчас правдиво изложить все обстоятельства, связанные с военным заговором, о его участниках и проведенной контрреволюционной работе. В заговор я был вовлечен ТУХАЧЕВСКИМ, который его возглавлял. В состав центра,

руководившего антисоветским военным заговором, входили ТУХАЧЕВСКИЙ, ЯКИР и я УБОРЕВИЧ. Мы поддерживали контакт с ГАМАРНИКОМ, которого информировали о всей нашей заговорщической работе, о наших задачах и планах» [16, л. 19].

Далее Уборевич писал, что его сближение с Тухачевским и Якиром произошло «на почве недовольства руководства Красной армии» [16, л. 20]. Затем в тексте неожиданно всплывает фигура И. П. Румянцева: Уборевич сообщает, что был недоволен проведением коллективизации, а «Секретарь Западной области ВКП(б) РУМЯНЦЕВ постоянно поддерживал мои настроения» [16, л. 21]. Совершенно очевидно, что сотрудники ГУГБ использовали полученную от Уборевича информацию в качестве показаний, изобличающих высокопоставленного партийного функционера как врага народа. Вскоре И. П. Румянцев был арестован органами НКВД.

Нельзя не отметить то, как представлена в письме вербовка И. П. Уборевича в заговор. Возникновение самого военного заговора он относил к концу 1934 г. и писал: «Тухачевским я был вовлечен в антисоветский военный заговор в 1934 году». Далее он уточнял: «Конкретно уже разговор по этому вопросу произошел у меня с ТУХАЧЕВСКИМ в марте 1935 года...» [16, л. 21].

Здесь уместно вспомнить показания А. И. Корка на очной ставке о том, что И. П. Уборевич входил в военную организацию с 1931 г. и, якобы, активно трудился на благо контрреволюции в 1932–1935 гг. [16, л. 10–13], что не соответствует сведениям «признательным показаниям» Уборевича из письма Ежову. Однако следователи постарались не заметить этого.

Признания в заговорщической деятельности не могут быть без указаний сообщников, поэтому далее следовал перечень фамилий высокопоставленных командиров, которых, по словам И. П. Уборевича, ему «Тухачевский назвал как руководителей заговора: Якира, Гамарника, Эйдемана и Корка и как участников организации: Роговского, Белицкого, Альшанского, Апогу, Кучинского и кажется Левичева» [16, л. 23].

Говоря о планах заговорщиков относительно поражения Красной армии в предстоящей войне, Уборевич как-то путано пытался уточнить позицию руководителя военного заговора: «ТУХАЧЕВСКИЙ считал весьма вероятным применение со стороны немцев стойких ОВ типа иприта для поливки массового

скопления конского состава РККА. Из слов ТУХАЧЕВСКОГО я понял, что эти варианты поражения Красной армии уязваны им с немцами» [16, л. 26].

В чем состоял замысел пораженческого плана – так и осталось тайной. При этом явно усматривалось, что план был связан с агрессивными действиями вероятного противника (Польши и Германии). В связи этим руководителем заговора были поставлены задачи по основным направлениям вредительской работы: «Создавать открытые бензо нефтехранилища и артиллерийские склады, которые могли бы легко уязвимы с воздуха, не развивать авторемонтные базы для танков и автомобилей, по вопросу мобилизации госпиталей, а также в середине лета 1936 г. он мне дал указание о проведении вредительства по укрепленным районам» [16, л. 27]. Следовательно, по плану заговорщиков, войска Красной армии на западном театре должны были потерпеть поражение в результате неудачных оборонительных действий. Но не тут-то было! Оказывается, разработанный заговорщиками план был исключительно наступательный. Через пять страниц в своем письме Уборевич повествует, что пораженческий план «сводился к тому, что вторжение массой конницы с мехчастями вглубь польского театра военных действий пока была не готова, основная масса войск и артиллерии должно повлечь поражение. <...> мною лично, при участии БОБРОВА¹, был разработан план операции вторжения с расчетом на поражение» [16; л. 32–33]. Следовали вновь предпочли не заметить несоответствия в показаниях Уборевича.

Однако через три дня, как зафиксировано следователями Карелиным и Литвиным в протоколе допроса от 7 июня 1937 г., вновь речь зашла о планах заговорщиков по захвату власти, и Уборевич показал: «ТУХАЧЕВСКИЙ развил передо мной два варианта свержения советской власти. Один – весной 1935 года. <...> в конце 1935 г. ТУХАЧЕВСКИЙ в присутствии ЯКИРА говорил мне, что имеется еще план свержения советской власти, рассчитанный на мирный период». В чем состоял замысел этого плана осталось загадкой для И. П. Уборевича, который показал, что М. Н. Тухачевский подробно этот план

¹ Бобров Борис Иосифович, комдив, начальник штаба белорусского военного округа, арестован 29 июня 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 22 ноября 1937 г. по обвинению в участии в военном заговоре приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

не развивал» [16, л. 47]. Показания о существовании некоего «плана, рассчитанного на мирный период» вновь оставили следователей равнодушными. Главным для них являлось то, что они получили признательные показания подследственного в совершении им контрреволюционных преступлений, на основании которых он мог быть предан суду.

Через два дня, во время допроса 9 июня 1937 г., который проводили помощник Главного военного прокурора Л. М. Субоцкий и прокурор Союза ССР А. Я. Вышинский, ими было получено показание И. П. Уборевича: «Все мои показания, данные на предварительном следствии и в заявлениях на имя Наркома Внутренних Дел, полностью подтверждаю». Относительно плана поражения СССР в войне обвиняемый признал: «Я участвовал в разработке плана поражения Красной армии и СССР в войне с Германией и как комвойск БВО должен был обеспечить поражение на этом направлении» [16, л. 54]. В чем суть этого пораженческого плана и что конкретно сделал обвиняемый по его созданию и воплощению в действительность, высокопоставленных юристов не интересовало.

О плане поражения Красной армии на допросе 9 июня 1937 г. показал арестованный командующий войсками Киевского военного округа (КВО) командарм 1 ранга И. Э. Якир: «Как комвойск КВО и будущий командующий фронтом, я имел и принял на себя задачу подготовить поражение войск Красной армии на фронте. Я признаю себя виноватым и в том, что совместно с ТУХАЧЕВСКИМ и УБАРЕВИЧЕМ выработал план поражения Красной армии в случае войны с Германией» [18, л. 156]. При этом в ходе судебного заседания Якиру был задан вопрос о том, в чем выражалась подготовка поражения РККА в будущей войне. Подсудимый ответил общими туманными рассуждениями, заявив при этом: «Я вам толком не сумею сказать ничего кроме того, что написал следователю» [18, л. 245].

Неуклюжими выглядят попытки следователей ГУГБ НКВД обвинить «заговорщиков» в шпионаже. В материалах следствия и суда нет ни слова о вербовке немецкой, польской или иной иностранной разведкой кого-либо из обвиняемых. При этом за шпионаж в деле выдавались любые разговоры по военным вопросам с иностранцами при официальных встречах с ними. Признания подсудимых в шпионаже носили явно вымышлен-

ный характер, навязанный следствием. В результате, в ходе судебного заседания 11 июня 1937 г. М. Н. Тухачевский не признал, а И. П. Уборевич и И. Э. Якир отказались от ранее данных показаний о сотрудничестве с иностранными разведками. Например, Уборевич отрицал обвинение в шпионаже в пользу Германии. Когда один из участников Специального судебного присутствия П. Е. Дыбенко спросил И. П. Уборевича: «Непосредственно шпионскую работу вы вели с немецким генеральным штабом?» – Уборевич ответил: «Не вел никогда» [19, с. 65].

Закрытым судебным заседанием за совершение контрреволюционных преступлений были приговорены к смертной казни: Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский, командармы 1 ранга И. П. Уборевич и И. Э. Якир, командарм 2 ранга А. И. Корк, комкоры В. М. Примаков, В. К. Путна, Б. М. Фельдман, Р. П. Эйдеман.

В ночь с 11 на 12 июня 1937 г. эти высокопоставленные командиры были расстреляны, при этом на каждого была составлена справка о приведении приговора в исполнение, в том числе и на И. П. Уборевича [16, л. 66].

Обсуждение и выводы

Массовые политические репрессии 1937–1938 гг. вторглись в трудовой ритм советского общества, наполнив своими атрибутами (гневными осуждениями «врагов народа» в прессе и по радио, арестами, активной деятельностью судебных и несудебных органов, подозрительностью в трудовых и воинских коллективах, неизвестностью) почти все жизненное пространство. Многие выдающиеся военачальники, герои Гражданской войны, посвятившие свою жизнь защите Отечества, в одночасье были объявлены вне закона.

Нелепая фальшь обвинения И. П. Уборевича в подготовке пораженческого плана усматривалась еще на начальном этапе следствия. Так, на очной ставке с Уборевичем 30 мая 1937 г. Корк говорил об известных ему вредительском оперативном построении войск и замысле наступательной операции. На это Уборевич решительно заявил: «Корк говорит совершенную неправду. Я пока хочу заметить одну только его фальшь. Он говорит, что я ему говорил, что он будет командовать армией на правом фланге, что эта армия пойдет на Ригу и будет разбита. Можно просмотреть оперативный план 1935 г. Белорусского округа,

там вы не найдете положения, чтобы хотя одна армия правого фланга шла на Ригу» [20, с. 33]. По вполне понятным причинам следователи НКВД в тот период не собирались проверять подлинность сказанного. Однако в 1962 г. этот вопрос был изучен в оперативном управлении Генштаба. Результаты проверки показали, что в своих показаниях на очной ставке был прав И. П. Уборевич, а не А. И. Корк. Фантастический план поражения Красной армии, приписываемый Тухачевскому, Уборевичу и Якиру на самом деле был сфабрикован следствием.

Принадлежность пораженческого плана арестованным «заговорщикам» полностью опровергается документами, которые в виде обоснованных предложений по повышению боевой мощи Красной армии на протяжении 1931–1937 гг. были разработаны Тухачевским и Уборевичем и представлены И. Сталину и К. Ворошилову. В 1961 г. советский Генеральный штаб в своем заключении о военной деятельности М. Н. Тухачевского и других указывал: «И. П. Уборевич как командующий приграничным округом непрерывно следил за изменением политической обстановки в соседних государствах, проявляя неустанную заботу о разработке наиболее целесообразных планов вооруженной защиты советского государства... Он правильно оценивал возможные силы противника, особенности театра военных действий, роль новых родов войск и значение первоначального мощного удара наших войск» [19; с. 70–71].

В ходе дополнительной проверки были изучены немецкие трофейные документы, но никаких фактов, подтверждающих сотрудничество И. П. Уборевича с немецкой разведкой обнаружено не было.

Имеющие непосредственное отношение к проведению следовательских мероприятий в отношении И. П. Уборевича сотрудники НКВД (комиссар государственной безопасности 2 ранга И. М. Леплевский, майоры ГБ В. П. Карелин и З. Н. Глебов) за допущенные перегибы были в 1938–1940 гг. обвинены в нарушении социалистической законности, осуждены и расстреляны. Комиссар ГБ 3 ранга М. И. Литвин в конце 1938 г. покончил жизнь самоубийством [21].

Таким образом, «пораженческий план Уборевича» являлся плодом фальсификаций следственных органов НКВД. Командарм 1 ранга И. П. Уборевич был арестован и осужден безо-

вательно. Политическая чистка в армии, организованная Сталиным и его ближайшим окружением, обернулась истреблением военных профессионалов накануне Второй мировой войны.*

Список литературы

1. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998. 528 с.
2. Сувениров О. Ф. За честь и достоинство воинов РККА // Они не молчали / сост. А. В. Афанасьев: Сб. М.: Политиздат, 1991. 446 с.
3. Сувениров О. Ф. Всеармейская трагедия // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 3. – С. 39–47.
4. Черушев Н. С. 1937 год. Был ли заговор военных? М.: Вече, 2007. 576 с.
5. Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: репрессии и обновление. М.: ВЗФЭИ, 2003. 172 с.
6. Лазарев С. Е. Социокультурный состав советской военной элиты 1931–1938 гг. и её оценки в прессе русского зарубежья. Воронеж: Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2012. 312 с.
7. Лазарев С. Е. «Предотвратить трагедию можно было только на стратегическом уровне...» Влияние репрессий 1936–1941 гг. на обороноспособность и государственную безопасность Советского Союза // Военно-исторический журнал. – 2021. – № 5. – С. 86–95.
8. Близначенко С. С. Боевая летопись Военно-Морского Флота Советского Союза: потери в результате репрессий 1930-х годов. Краснодар: Изд-во ГОУ ВПО «КубГТУ», 2005. 282 с.
9. Вечоркевич П. Цепь смерти. Чистка в Красной Армии. 1937–1939 (на польском яз.). Варшава, 2001. 1335 с.
10. Войтковая Я. Поляки и литовцы – офицеры Красной Армии в 1922–1941 гг. (на польском языке). Варшава, 2015. 660 с.
11. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения / пер. с нем. М.: АИРО-XX, 2003. 352 с.
12. Мильбах В. С. Особая Краснознамённая Дальневосточная армия (Краснознамённый Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 345 с.
13. Мильбах В. С. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Тихоокеанский флот. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. 300 с.
14. Мильбах В. С., Фомичёв С. О., Чураков Д. Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Уральский военный округ. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2018. 290 с.
15. Мильбах В. С., Павлович С. Л., Чураков Д. Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Среднеазиатский военный округ. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2019. 339 с.
16. Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ). Д. Р-9000. В 13 т. Т. 13.
17. ЦА ФСБ. Д. Р-9000. В 13 т. Т. 1.
18. ЦА ФСБ. Д. Р-9000. В 13 т. Т. 12.

* Иллюстрации к статье см. на с. 236.

19. Репрессии в Красной армии (документы). Военные архивы России. М.: Пересвет: Церера. 1993. Вып. 1.

20. Справка комиссии Президиума ЦК КПСС «О проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родины, терроре и военном заговоре». Военные архивы России. 1993. Вып. 1.

21. Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД (1934–1941): справочник / под ред. Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского. М.: Звенья, 1999. 502 с.

The Case of the 1st Rank Commander I. P. Uborevich. Was There a Plan to Defeat the Red Army?

Vladimir S. Milbach

The presented article reflects a modern view of the events which entered our country's history as the mass political repressions. The author presents a brief historiography overview of repressions in the Red Army in the second half of the 1930s. Using a specific historical example, contradictions between the internal policy of the Stalinist governance and the problems of the army state and their resolution on the eve of World War II are revealed. Special attention is paid to the creation by the investigators of the Department of State Security of the People's Commissariat of Internal Affairs of an evidence base for bringing charges of counterrevolutionary crimes against one of the outstanding military leaders, hero of the Civil War I. P. Uborevich. The activity of repressive mechanism capable of achieving any result necessary for the Stalinist regime is shown. Based on the documents of the archival and investigative case, the material of the article allows to more clearly imagine the events of 1937–1938, evaluate the actions of the investigative authorities, make sure that the charges against I. P. Uborevich were formed on falsification.

Key words: political repression, arrest, archival investigation, interrogation, indictment, espionage, execution.

For citation: Milbach, V. S. (2024) Delo komandarma 1 ranga I.P. Uborevicha. Sushchestvoval li plan porazheniya Krasnoj armii? [The Case of the 1st Rank Commander I. P. Uborevich. Was There a Plan to Defeat the Red Army?]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 213–228. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_1_213. EDN: BFPDJK

References

1. Suvenirov, O. F. (1998) *Tragediya RKKK 1937–1938* [The tragedy of the Red Army 1937–1938]. Moscow: TERRA. (In Russ.)

2. Suvenirov, O. F. (1991) *Za chest' i dostoinstvo voynov RKKK* [For the honor and dignity of the Red Army soldiers]. *Oni ne molchali* [They were not silent]. Ed. A. V. Afanas'ev: Collection. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

3. Suvenirov, O. F. (1989) *Vsearmejskaya tragediya* [All-Army tragedy]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military History Magazine]. No. 3. Pp. 39–47. (In Russ.)

4. SHERUSHEV, N. S. (2007) *1937 god. Byl li zagovor voennyh?* [1937. Was there a military conspiracy?]. Moscow: Veche. (In Russ.)

5. Pechenkin, A. A. (2003) *Voennaya elita SSSR v 1935–1939 gg.: repressii i obnovlenie* [The military elite of the USSR in 1935–1939: repressions and renewal]. Moscow: VZFEI. (In Russ.)

6. Lazarev, S. E. (2012) *Sociokul'turnyj sostav sovetskoj voennoj elity 1931–1938 gg. i eyo ocenki v presse russkogo zarubezh'ya* [The socio-cultural composition of the Soviet military elite of 1931–1938 and its assessments in the Russian foreign press]. Voronezh: Voronezhskij CNTI – filial FGBU «REA» Minenergo Rossii. (In Russ.)

7. Lazarev, S. E. (2021) «Predotvratit' tragediyu možhno bylo tol'ko na strategicheskom urovne...» *Vliyanie repressij 1936–1941 gg. na oboronosposobnost' i gosudarstvennyyu bezopasnost' Sovetskogo Soyuza* ["It was possible to prevent the tragedy only at the strategic level..."] The impact of the repressions of 1936–1941 on the defense capability and state security of the Soviet Union]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Magazine]. No. 5. Pp. 86–95. (In Russ.)

8. Bliznichenko, S. S. (2005) *Boevaya letopis' Voенно-Morskogo Flota Sovetskogo Soyuza: poteri v rezul'tate repressij 1930-h godov* [Combat Chronicle of the Soviet Union Navy: losses as a result of the 1930s' repressions]. Krasnodar: Izd-vo GOU VPO «KubGTU». (In Russ.)

9. Vechorkevich, P. (2001) *Cep' smerti. CHistka v Krasnoj Armii. 1937–1939 (na pol'skom yaz.)* [The chain of death. Purge in the Red Army. 1937–1939 (in Polish)]. Warsaw. (In Russ.)

10. Vojtkovyak, YA. (2015) *Polyaki i litovcy – oficery Krasnoj Armii v 1922–1941 gg. (na pol'skom yazyke)* [Poles and Lithuanians – officers of the Red Army in 1922–1941]. Warsaw. (In Russ.)

11. YUnge, M., Binner, R. (2003) *Kak terror stal «bol'shim». Sekretnyj prikaz № 00447 i tekhnologiya ego ispolneniya* [How terror became "big". Secret Order No. 00447 and the technology of its execution]. Moscow: AIRO-XX. (In Russ.)

12. Mil'bah, V. S. (2007) *Osobaya Krasnoznamyonnaya Dal'nevostochnaya armiya (Krasnoznamyonnij Dal'nevostochnyj front). Politicheskie repressii komandno-nachal'stviyushchego sostava, 1937–1938 gg.* [Special Red Banner Far Eastern Army (Red Banner Far Eastern Front). Political repressions of the commanding staff, 1937–1938]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU. (In Russ.)

13. Mil'bah, V. S. (2013) *Politicheskie repressii komandno-nachal'stviyushchego sostava, 1937–1938 gg. Tihoookeanskij flot* [Political repressions of the commanding staff, 1937–1938. Pacific Fleet]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU. (In Russ.)

14. Mil'bah, V. S., Fomichyov, S. O., CHurakov, D. R. (2018) *Politicheskie repressii komandno-nachal'stviyushchego sostava, 1937–1938 gg. Ural'skij voennyj okrug* [Political repressions of the commanding staff, 1937–1938. Ural Military District]. St. Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks «Gangut». (In Russ.)

15. Mil'bah, V. S., Pavlovich, S. L., CHurakov, D. R. (2019) *Politicheskie repressii komandno-nachal'stviyushchego sostava, 1937–1938 gg. Sredneaziatskij voennyj okrug* [Political repressions of the commanding staff, 1937–1938. Central Asian Military District]. St. Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks «Gangut». (In Russ.)

16. *Central'nyj arhiv FSB RF (hereinafter – CA FSB)* [Central archive of the Federal Security Service of the Russian Federation]. D. R-9000. In 13 vol. Vol. 13.

17. CA FSB. D. R-9000. In 13 vol. Vol. 1.

18. CA FSB. D. R-9000. In 13 vol. Vol. 12.

19. (1993) *Repressii v Krasnoj armii (dokumenty)* [Repression in the Red Army (documents)]. *Voенnye arhivy Rossii* [Military Archives of Russia]. Moscow: Peresvet: Cerera. Issue 1. (In Russ.)

20. (1993) *Spravka komissii Prezidiuma CK KPSS «O proverke obvinenij, pred"yavlennyh v 1937 godu sudebnymi i partijnymi organami tt. Tuhachevskomu, YAkiru, Uborevichu i drugim voennym deyatel'jam, v izmene Rodiny, terrore i voennom zagovore»*. *Voennye arhivy Rossii* [Report of the Commission of the Presidium of the CPSU Central Committee "On the verification of charges brought in 1937 by judicial and party bodies for Tukhachevsky, Yakir, Uborevich and other military leaders, in treason, terrorism and military conspiracy". Military archives of Russia]. Issue 1. (In Russ.)

21. Petrov, N. V., Skorkin, K. V. (1999) *Kto rukovodil NKVD (1934–1941): spravochnik* [Who led the NKVD (1934–1941): handbook]. Eds. N. G. Ohotina and A. B. Roginskogo. Moscow: Zven'ya. (In Russ.)

Об авторе

Мильбах Владимир Спартакович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: v.milbach@yandex.ru

About the author

Milbach Vladimir S., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Mikhailovsky Military Artillery Academy, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: v.milbach@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 29.12.2023
Одобрена после рецензирования 18.01.2024
Принята к публикации 29.01.2024*